

Версия для смартфонов:

http://spinavig.s62.in.ua/mystery_of_the_bridal_chamber.htm

Источник загрузки:

http://spinavig.s62.in.ua/mystery_of_the_bridal_chamber.pdf

ЗАГАДКА БРАЧНОГО ЧЕРТОГА

ВСТУПЛЕНИЕ

Представляю новую работу, в которой раскрываю понимание того, что стояло за идеей брачного чертога. Известно, что спасение в самом евангельском тексте рассматривается через идею брачного чертога. Однако, откуда он происходит и какова была необходимость этого специфического примера, как места брачного соединения мужчины и женщины является в ортодоксальном богословии не совсем ясным либо второстепенным. И обретает более смысл пира - некоего празднования спасения, не касаясь сути самой идеи. При этом картина брачного чертога имела широкое применение и развитие в христианских гностических общинах, что ясно зафиксировано в истории. А различные по своей сути «осколки» этого учения пред нами предстают и в самом тексте НЗ, что я и попытаюсь собрать вместе, реконструировав целостную картину.

В работе касаюсь исторических упоминаний и артефактов. Представляю читателю ощутить, в чём суть «кривых зеркал» ересиологов, а также сравнить прямое свидетельство общин второго столетия с тем, что и отображено в самом НЗ.

Бывает, что очень часто и ставишь перед собой вопрос, а почему собственно Иисус есть Спаситель, и что в самом евангелии есть такого, чтобы раскрывало суть спасения. Вопрос главный и, казалось бы, простой и в вероучении ответ давным-давно дан, и всё там вращается вокруг таких утверждений: грехопадение человечества, Эдемская катастрофа, проклятие человечества, разделения человека с Богом, святость Бога и невозможность простого воссоединения с Ним, когда существующий статус человека – пребывание во гневе. И для того чтобы утихомирить «гнев свыше» - нужна жертва, и ею «закрывается» несовершенство человека. Вокруг этой линии идей и вращается вероучение и догматика. Однако на самом уровне проповеди Иисуса самих канонических евангелий - этого ничего нет! Нет ни грехопадения, ни идеи возвращения в Эдемский сад, зато есть утверждение о возвращении драгоценных потерянных странников домой и восстановление некой утраченной полноты. При этом в самом евангелии упоминается и о Книге жизни с именами, которая уже была и есть без всякого преодоления какого-либо грехопадения. Для богословия, что смотрит через призму грехопадения и необходимой жертвы – это всё становится проблемным, как и само понимание спасения через раскрытие тайны брачного чертога. Как даже, впрочем, и то, чему мог учить Иисус касательно спасения, до своей казни, духовный смысл которой осмысливался уже гораздо позже самих евангельских событий.

Приятного прочтения.

Часть 1

История раннехристианских представлений фиксирует учения и обряды общин второго столетия. В частности, она отмечает учение о некоем ангеле, который являл по сути самого человека, а вернее сказать - его некий истинный образ. Также фиксирует и представление о браке духа человека с ним, который должен произойти после физической смерти и осуществляется таинством брачного чертога. И в этом аспекте путь спасения представляется движением человека к своему истинному образу. Само же это таинство было возможным после успешного прохождения финальной стадии, когда дух человека проходит через преграды на пути к единению со своим истинным образом. Это преграды противодействующих сил, которые именовались также властями этого мира, властями тела и души. Единение с этим ангелом – истинным образом человека в брачном чертоге по сути и было конечной точкой пути самого спасения. После чего предполагалось воссоединение всех спасённых и начало новой жизни в новой эпохе. Практиковался также и специальный обряд крещения с помазанием елеем, чтобы силою Свыше пройти через эти преграды и окончательно, раз и навсегда, покинуть этот мир. Развитые эти вероучительные представления были зафиксированы в общинах, что были вынесены за границу самого зарождающегося тогда ортодоксального движения и были осуждены им. Примечательно, что уже гораздо позднее, учение о таком восхождении духа появилось вновь, хоть и в переработанном виде. Мы встречаемся по сути с его переработкой в самом сформировавшемся ортодоксальном христианстве в виде учения о мытарствах. Множество же отголосков этих картин, можно обнаружить и в самих канонических текстах Нового Завета. Как например, и самую широко известную новозаветную тематику брачного чертога, в которой Иисус представлен женихом, а Его последователи, уже при самой жизни, названы сынами брачного чертога, в связи с которым и мыслится их совершающееся спасение. При этом, сами же осуждённые общины и пользовались этим представлением, а осудившие их - от него отмежевались. Пересечения с тематикой новозаветных книг имеют и другие примеры. Обо всём этом по порядку.

Так, книги Нового Завета, имеют интересные высказывания, которые можно объединить в русле данной темы, и которые, к тому же, имеют вопросы по их значению в рамках ныне традиционного ортодоксального богословия.

Например, Послание Иоанна заявляет о существовании некоего совершенного человека, который рождён от Бога и не способен грешить.

«Всякий, рожденный от Бога, не делает греха, потому что семя Его пребывает в нем; и он не может грешить, потому что рожден от Бога» (1Иоан.3:9). Это при том, что само послание заявляет о естественной картине согрешения верующего человека: (1Иоан.1:9) *«Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши...»*.

О ком тогда или о чём, говорит в таком случае это послание? Кто мыслился этим рождённым от Бога совершенным человеком?

Есть евангельское упоминание о неких ангелах детей, находящихся всегда перед Отцом.

«Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного» (Матф.18:10)

Здесь ученикам указывается на недопустимость пренебрежения детьми потому, что у них есть то, что соединяет их с Отцом. Их ангел, предстоящий пред Ним. И не совсем прост тот ангел, ведь он всегда видит Отца, и в этом и есть нечто особое, что подчёркивалось в самом детстве. При этом Иисус так много внимания и образов в проповеди связывает с детьми. Возможно, подразумевается, то что и дети обладают тем, чем обладают и сами ученики, и даже более того, что дети ближе к Отцу. Ведь их образ мышления ещё не перенёс «взрослую» трансформацию. Поскольку и сам процесс вхождения в Царство, Иисус также связывал со статусом взрослого, как ребёнка.

Павел же пишет в послании следующее: *«и воскресил (συνεγείρω - совоздвиг) с Ним, и посадил (συνκαθίζω – посадил вместе с) на небесах во Христе Иисусе»* Еф.2:6.

Так или иначе здесь провозглашается духовное пробуждение и расположение уверовавших во Христе уже на небесах, тогда как на земле продолжается всё та же физическая жизнь. И человек пребывает как бы в двух ипостасях, до времени разделённым преградой физического бытия.

Как принято считать по датировкам, в более раннем Послании Римлянам, Павел делает интересное заявление, в котором сыны Божьи в предвечности – до появления мира – сходны с образом Его Сына, и Его Сын есть первенец среди многих предвечных сынов и они по сути являли там собой некое братство.

Рим.8:29 Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями.

Как разбирается и поясняется возможный смысл [1]: «Бог знал их там, видел их перед Собой и определил их, что они сходны с образом Его Сына. Фактически Бог узнавал в них своих сынов через образ Сына Своего. Об этом говорит и дальнейшее: "да быть Ему первенцем между многими братьями". То есть у Бога не один Сын, а много, а это значит, что у Сына есть Братья. Сын же Христос - Первенец перед Ними многими. (Словосочетание из Ин. "Единородный Сын" неверно будет понимать в значении "Единственный Сын". Правильный перевод "Однородный". Сын однороден или единороден Отцу не в смысле единственного акта рождения, а в смысле единства рода, природы, божества. Отец и Сын единородны)».

По сути здесь говорится и о некоем предвечном бытии сынов и их равенстве, а соответственно, мыслится это фактически братством, существовавшим в

предвечности у Отца. И кто в нём тогда и был, тот ныне этим и стал, и в этом уже снова пребывает.

Эти моменты у ап. Павла можно также объединить с рассматриваемой тематикой - стороной общей картины, её элементом или даже и основой.

Примечательно, в этой связи Книга Деяний упоминает некоего ангела Петра (Деян.12:15). Но такое упоминание там не имеет обоснований, он там упоминается без всяких пояснений, когда читатель книги может только догадываться, кто это или что это. При этом в книге Деяний считается, что этот ангел связан с человеком и даже отображает его. И если вдруг его увидишь, то даже не сможешь его отличить от того, кого он представляет. То есть, он не просто некий «хранитель», но почему-то именно копия, образ самого человека. Более книга Деяний ничего не говорит, вероятно автор больше ничего про это банально сказать не мог, а написал в меру своего знания и понимания.

Все же эти моменты можно объединить общей темой.

1) Перед нами упоминание некоего ангела, предстоящего перед Отцом и что ангел связан особо с ребёнком.

2) Перед нами некий совершенный, рождённый от Бога человек, но тот, кто ныне здесь пребывает – меняется и движется на пути спасения.

3) Дети Божьи – они в двух ипостасях, и небесная – она на небесах со Христом; И Божье сыновство проистекает из вечности. Сыны ещё там были известны Богу и вместе с Сыном являли там единое братство сыновей.

Вероятно, о некоем ангеле человека – его истинном образе что-то слышал автор Деяний, но не знал, что это могло обозначать. Вслед за ним все эти изложенные моменты имеют определённое затруднение пояснения для ортодоксального богословия. А трудность такая объясняется достаточно просто – чуждостью этих моментов для самого ортодоксального богословия. А за этими моментами естественно и должно было стоять некое представление или учение, суть которого и зафиксировала история раннехристианских воззрений и практик. Но предпримем и попытку возможной реконструкции, синтезировав целостное учение, объединяющее свидетельства разнообразных письменных источников с источниками новозаветными.

[1] Эдуард Балашов. О "ПРЕДУЗНАНИИ" И "ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИИ".

http://spinavig.s62.in.ua/edik_balashov_primordial_knowledge.htm

Часть 2

Можно предположить, что учение об ангеле-двойнике – истинном человеке, связано и с представлением о некоем тотальном разделении, что отображено как в канонических текстах, так и в Ев. Фомы [2]. Оно предполагает разделение человека на материальное земное и нематериальное небесное. Земное

останется прахом на земле, а небесное наследует небеса. Такое разделение происходит и в осознании себя, когда личность рассматривается и даже воспринимается в двух ипостасях, одной - вечной принадлежащей иному, а второй – земной. Заявление о таком разделении представляется началом пути спасения ученика, что переживалось опытно, эмпирически. И оно обязательно случается и даёт всё более и более о себе знать. Такой этап можно увидеть в перечислении неких трансформаций, что неизбежно произойдут с учеником (Фм. 12b): «... Когда вы окажетесь в свете, что вы будете делать? В этот день вы - одно, вы стали двое. Когда же вы станете двое, что вы будете делать?»

Ученик при этом обнаруживает и познает в себе наличие новой реальности иного мира, иного царства, тогда и происходит его пробуждение (воскресение) и он начинает своё внутренне восхождение (спасение). Вектор этого восхождения и направлен по сути к тому, что является совершенным образом. Истинный образ при этом и воспринимался незыблемым, вневременным, вечным, тем что пребывает до того, как человек вообще появляется в этом мире. В этом понимании, согласно Ев. Фомы и становится блаженным тот, «кто был до того, как возник» (Фм. 20).

И смысл даже не в том, что ученик движется к некоему созданному им образу или ангелу, но сам ангел *«отвергает свое вино»* и обращается от своего падения назад. И проснувшийся обращается и движется назад к истинному себе, к своему первоначальному истоку, к которому вдруг оказывается, что он всегда и принадлежал и из которого на самом деле и происходил. Поэтому и говорится: *«Блаженны единственные и избранные, ибо вы найдете царствие, ибо вы от него (и) вы снова туда возвратитесь»* (Фм. 54). Происходит то, как указано у Иоанна: *«сущие во гробах услышат глас Сына человеческого, и, услышав, оживут»* (Ин.5:25). Некто сущий, пребывая во сне, пробуждается от гласа Сына и оживает. Пробуждается вдруг сам ныне спящий, но вечный человек. *"Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос"* - приводит известный тогда призыв ап. Павел. Есть в человеке некто до времени спящий, до времени мёртвый, его и пробуждает Христос и освящает таким образом самого человека. (Еф.5:14). И блудный сын понимает возле корыта со свинными рожками кто и откуда на самом деле он есть и возвращается домой. Тогда в человеке вдруг и открывается сын, ибо *«призвавший благодатью Своею, благоволил открыть во мне Сына Своего»* (Гал.1:16), описывал о себе ап. Павел, и его выражение двойственно по отношению к тому, кто был и есть этот Сын, которого открыл в нём Отец. И таким «человеком во Христе» может только хвалиться ап. Павел, но никак не собой и никак не желает при этом позволить отождествить себя с ним "о нем буду хвалиться, о себе же самом не буду хвалиться..." (2 Кор 12:1-7).

Именно тот, рождённый от Бога, которого описывает Иоанн, и есть совершенный. И только потому что он есть в человеке и возникает тяга и движение к совершенству. Поэтому и описан человек в двух ипостасях в Послании у Иоанна. И только после совершения такого открытия, прозрения или пробуждения (воскресения) человек и способен меняться. В своём мышлении и

в реакциях – разотождествлять возрождённого от того, кто оказался ложным и «ветхим» впечатком. Поэтому человек и способен преображаться и становиться «очищенным от всякой неправды», как описывает это в категории двух ипостасей сам Иоанн.

Так или иначе, анализ новозаветных картин первого столетия, приводит к выводу о существовании пересечений и согласований с теми воззрениями, что открывают перед нами зафиксированные исторически представления вышеупомянутых общин второго столетия.

Само появление разделения можно связать и с внутренним состоянием тоски и поиска истинного родного дома, но ныне пребывания в чуждом. Когда человек понял это и осознал, то тогда и рождается в нём свыше тот, кто начинает само это движение, движение к истинному себе, к тому, кто был до всего этого уже рождён. Нынешняя же земная реальность и создала того «внешнего человека», с его «эго», с его неизменным инстинктами и установками. Она играет с ним в игру сна и смерти, и в этой игре наваждения внушает человеку, что именно такой он настоящий и есть. Что эта земная жизнь единственна и уникальна. В этом и есть суть жизни души в забвении и обмане «властей» тела. Осознание и дальнейшее утверждение того, что он есть на самом деле иным и происходит от иного и принадлежит иному открывает человека естественного мира - временным наваждением.

Осознание двух этих реальностей даёт началу движению. Возникает тот, кто восходит вверх - движется от внешнего к внутреннему. Утверждение же в новой реальности воссоздаёт новую целостность и по сути означает обретение Царства. И поэтому, согласно Ев. Фомы, возникшее разделение – является временным явлением, признаком пути спасения, что в конце (или переживаемо и в самом пути) должно завершиться новым единением: *«Когда вы сделаете двоих одним, и когда вы сделаете внутреннюю сторону как внешнюю сторону, и внешнюю сторону как внутреннюю сторону, и верхнюю сторону как нижнюю сторону, и когда вы сделаете мужчину и женщину одним, чтобы мужчина не был мужчиной и женщина не была женщиной ... - тогда вы войдете в [царствие]».* (Фм. 27) Так или иначе, когда уже эти двое становятся одним и происходит вхождение в царство, а это по сути и является прообразом таинства брачного чертога. Места, объединяющего «женщину» и «мужчину», как павший и отделённый образ с его истинным первообразом - в одно целое.

Важно отметить, что и сама эта логия и соответственно стоящая за ней картина и была независимо от Евангелия Фомы засвидетельствована принадлежащей учению Христа [3], но уже не находит своего смысла и отражения в канонических представлениях.

Примечательно, что тема мистического единения принадлежит источнику, обозначенному именем Фомы. Так, это имя имеет еврейское происхождение и означает «близнец» (греческий вариант имени: Δίδυμος – Дидим). Возможно такое сочетание и не случайно. *Иисус сказал: Тот, кто напился из моих уст,*

станет как я. Я также, я стану им, и тайное откроется ему (Фм. 112) Путь последователя – путь единения и взаимного отражения, как духовных близнецов. Иисус становится подобен зеркалу, в котором последователь ищет и находит истинного себя. И в другой именованной близнецом - «Книге Фомы» проводится параллель между познанием Иисуса и познанием себя. Самопознание открывает некое внутренне пространство и способ движения в нём. Чем больше последователь исследует себя, тем больше он узнаёт себя истинного: «кто он, и как он существует, и каким образом будет существовать», и такое познание пересекается с познанием самого Иисуса, что и есть примером своеобразного открытия духовных близнецов. Как в одном из источников о познании Иисуса говорится: *«Я зеркало для тех, кто познал меня».*

В этом ракурсе интересно то, что само следование в вере за Иисусом на самом деле и предполагает печать Его образа в твоём внутреннем мире. Движение к Нему по сути и есть твоим собственным внутренним движением. А всё далее происходящее и происходит именно там - в мире внутри. Так же и соприкосновение и общение, оно происходит именно там. А путь же следования за Спасителем в реальности и есть проявление того самого вектора, что ведёт к совершенству, становлению и обретения человеком истинного себя, ведь и было заповедано быть совершенным.

Тема брачного чертога и связанного именно с ним спасения ярко отражена в тексте самих канонических евангелий. Упоминание тематики есть и в канонической книге «Откровений», там также упоминается брак невесты-церкви и Христа, только несёт это эсхатологический смысл, то что должно в будущем ещё только произойти. Говоря же о посланиях Павла, тот использует тематику обручения Христу: *«2Кор.11:2 Ибо я ревную о вас ревностью Божию; потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою».* И здесь верующий во Христа сравнен с девой, что согласуется с евангельским сюжетом причти о мудрых и неразумных девах. Однако всё-таки в целом эта тематика у Павла приобретает иной характер, ибо апостол развивает учение не о тайне брачного чертога, а о тайне некоего брачного взаимоотношения между Христом и духовной «экклесией» (церковью), которая виделась им живым организмом, и картину эту он сам называл буквально «Тайной великой» (Еф.5:32). А исследования библеистики по реконструкции этого воззрения подтверждают, что такое наименование его учения совершенно не преувеличено и не приукрашено таинственностью, но являлось восприятием его жизненной духовной реальности и по сути отвечает тому, как оно им и было объявлено.

Возвращаясь же к каноническим евангельским примерам, то тематика брачного чертога там восходит к самому Спасителю. Брачный чертог напрямую связывается со свершающимся спасением самих учеников и пример этот отражён во всех синоптических текстах. *«34 Он сказал им: можете ли заставить сынов чертога брачного поститься, когда с ними жених?».* Когда сам Иисус представлен женихом в нём, а ученики названы буквально сынами брачного чертога, т.е. теми, кто неразрывно ныне связан с ним, и он есть их

наследием. Сам евангельский пример приведён в ответе Иисуса на вопрос почему ученики не постятся. Но кто постится на свадьбе? Ни жених, ни наследники чертога никак не могут поститься на свадьбе, ведь свадьба - это торжество соединения, а не печаль разлуки. В разлуке будет поиск, а значит и «пост» дальнейшего восхождения. Пример упоминания брачного чертога встречается и в Ев. Иоанна (Иоан.3:29). Он схож с синоптическим примером. Однако в нём уже сам Иоанн Креститель вспоминает эту брачную тематику и называет себя там вдруг другом жениха на его свадебном брачном пире.

Важное изложение тематики брачного чертога находится в Ев. Матфея в притче о разумных и неразумных девах (Матфея 25:1-13), которые стремятся на встречу с женихом, как на наиважнейшее событие своей жизни. Особенность притчи есть и в том, что она присутствует только у Матфея и не имеет параллелей в других источниках, чтобы давало возможно с альтернативным вариантом её сравнить. И так как притча имеет прямое отношение к теме и играла важную роль при построении учений брачного чертога первых столетий, и её тематика встречается в раннехристианских свидетельствах, то её важно рассмотреть подробнее.

[2] Влад Вальберг. «Библиестика разделения пары».
http://spinavig.s62.in.ua/research_and_reconstruction_one_is_taken_and_one_is_left.htm

[3] Влад Вальберг. Евангелие Фомы. Ранние ортодоксальные свидетельства авторитета традиции.
http://spinavig.s62.in.ua/early_christ_authors_testimony.htm

Часть 3

В притче 10 дев ожидают прибытия жениха. Жених задерживается, ожидание происходит в ночи. Пять дев имеют масло, а соответственно их светильники горят. И как отмечается, в исследовании брачных церемоний, тогда в качестве светильников на брачном пире использовались скорее факелы. Остальные пять – масла не имеют и отвлекаются на его поиск, но жених вернулся и девы с маслом для их горящих светильников попадают на брачный пир. Остальные пять – опоздали и двери навсегда для них закрылись, и из-за закрытых дверей доносится голос жениха, что он никогда не знал их.

Как отмечают исследователи древних традиций и обрядов, в основе притчи лежит традиция приглашения на брак жениха и невесты – друзей жениха и подружек невесты, которые сопровождают главных персон, подруги – с невестой, а друзья – с женихом. Однако построение притчи имеет тот важный момент отличия от реальной жизненной традиции, что подруги невесты и представлены в притче по сути самой невестой. Во-первых, постоянно акцентируется, что это именно девы, во-вторых - они привязаны, стремятся и общаются с самим женихом. В-третьих, никакая персона невесты в притче не фигурирует вообще. В-четвёртых, закрытые двери брачного пира представлены

самой большой жизненной катастрофой для отвергнутых неразумных дев, наподобие разрушения их личной свадьбы.

Примечательно, что роковое разделение дев произошло ровно наполовину, что предположительно и можно связать с картиной тотального разделения, когда «один – берётся, а другой оставляется». И в этом ключе притча развивает картину неизбежного разделения и спасения второй части, которая воссоединится далее со своей истинной «второй половиной», ведь не зря именно потерянная часть не имела в себе ни масла, ни горящего огня. Такое разделение и последующее соединение с истинным образом в брачном чертоге по сути и есть осмысление пути спасения, однако теперь уже в представлении брачного чертога. И по сути, это своеобразный ключ мистического понимания того, что происходит внутри духовного мира самого человека, когда только та часть внутреннего мира личности, что имела помазание масла и горящий светильник – имеет отношение к своему истинному образу и соединится с ним.

Однако с другой стороны изложение притчи мыслится в коллективном ключе. Матфей излагает, что девы как персоны общаются между собой. Однако вполне реально что здесь изначально и были переплетены две стороны: личная мистическая и коллективная. Хочется отметить и особенность повествования коллективного ключа, когда в изложении возникает и курьёзный момент, о странном примере мудрости «мудрых дев». У неразумных масло закончилось. Они просят его у тех, кто его имеет, но получают отказ. Мудрые девы при этом посылают глупых, неразумных на какой-то надо полагать местный базар купить там масла, но спят ведь дома продавцы, дело ведь протекает ночью, когда ночью купить физически невозможно и не то, чтобы купить, без горящего светильника и идти, куда-либо в то время ночью - нереально.

Стоит и указать, что Матфей строит притчу в эсхатологическом ключе, когда задержка жениха связана с ожиданием и возможно так указывает на некое последнее время второго пришествия. Исходя из самых различных примеров сравнения притч Матфея с альтернативным изложением делается и вывод, что Матфей часто сам и связывал имеющийся у него материал речений с представлением о втором пришествии, что также могло произойти и здесь.

Говоря о картине тотального разделения, то в притче делится не некая пара, а именно группа, что также может указывать на замысел реального коллективного разделения. И здесь хочется вспомнить и ещё один, казалось бы, невзрачный момент, но имеющий важность для нахождения ключей к пониманию притчи.

Так Ев. Матфея и Ев. Луки содержат одновременно сходные и специфические поэтические логики, где фигурируют некие спорящие друг с другом дети.

«16 Но кому уподоблю род сей? Он подобен детям, которые сидят на улице и, обращаясь к своим товарищам, 17 говорят: мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали. 18 Ибо пришел Иоанн, ни ест, ни пьет; и говорят: в нем бес. 19 Пришел Сын Человеческий, ест и пьет; и говорят: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам. И оправдана премудрость чадами ее. (Матф. 11:16-19)».

«31 Тогда Господь сказал: с кем сравню людей рода сего? и кому они подобны? 32 Они подобны детям, которые сидят на улице, кличут друг друга и говорят: мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам плачевные песни, и вы не плакали. 33 Ибо пришел Иоанн Креститель: ни хлеба не ест, ни вина не пьет; и говорите: в нем бес. 34 Пришел Сын Человеческий: ест и пьет; и говорите: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам. 35 И оправдана премудрость всеми чадами ее. (Лук. 7:31-35) »

Не вдаваясь в подробности структуры текста, возможных вариантов трактовок или каких-либо реконструкций следует отметить здесь самые главные моменты.

Данная логия предлагает две противопоставленные группы детей: одна группа чётко обозначена, как дети этого рода (этого мира) и вторая группа - дети иного рода, которая в Ев. Луки обозначена «детьми премудрости» или «детьми Софии». В Ев. Матфея синодального перевода для пояснения смысла отрывка уже говорится о делах мудрости. Вместе с тем тот же перевод Кассиана сообщает о рукописях Матфея, с таким же, как и в Луке обозначением, когда говорится не о делах, а о «детях Софии». Дети же этого рода и противопоставлены в тексте неким детям иным - детям Софии. И эти дети нечто противоположное говорят друг другу. И надо полагать дети мира не приемлют Весть, но дети Премудрости – это и есть те, кто её принял. И главное заявление этого повествования и заключено в том, что премудрость и даже ближе по смыслу персона Софии - оправдана, и её явленные дети в этом мире и есть причиной её оправдания.

С точки зрения основы притчи о десяти девах, как реального жизненного примера или же в коллективном её представлении – в притче нет невесты. Но сами эти девы и представлены здесь невестами и это именно их свадьба. Но с другой стороны - жених здесь один, один для всех. Но это не может быть гарем, поэтому жених - Христос должен быть индивидуален для каждой невесты, так это естественно и мыслится каждым читателем. Образное и целостное восприятие строит то, что Христос здесь и должен быть представлен для самих невест некими индивидуальными единственными ему женихами, которые и есть он сам. И каждая невеста имеет здесь естественно своего жениха. С другой стороны девы образно все вместе для самого Христа и представляют одну единую невесту, и она также должна быть представлена единым персонифицированным образом. И в рамках евангельского изложения его не нужно придумывать, он персонифицировано есть в самом евангелии – это есть София. Она собой и представляет своих детей - невест и является их единым образным и персонифицированным представлением. Поэтому на индивидуальном уровне и свершается спасение в индивидуальном соединении души человека с тем её ангелом - истинным образом, восстанавливая некогда утраченную целостность. На глобальном надмирном уровне – по сути здесь

мыслится брак Софии и Христа, и в этом также восстанавливается полнота некогда утраченной целостности.

По сути перед нами снова повтор мысли о восстановлении полноты, что дополняет ряд евангельских притч: известной притчи о блудном сыне, который из чужбины возвращается домой к своему Отцу (Лук.15); о нахождении хозяином своей потерянной и недостающей до количества общей полноты овце (Лук.15:6); о кающемся грешнике, который сравнивается с находкой, некогда потерянной одной из полноты десяти драхм (Лук.15:9). Теперь же это восстановление рассматривается через свершение спасения как индивидуального, так и глобального плана через картину брачного чертога.

И конечно же за таким глобальным пониманием должно было стоять представление о том, как и в чём заключалось падение Премудрости, раз она оказалась оправданной тем, что среди рода людей этого мира вдруг были пробуждены и открыты дети Божьи. И если открытие, явление и восхождение назад этих детей и определяет оправдание Премудрости, то симметрично их падение и потеря в среде этого мира может быть осмыслено тем, что связано с её осуждением, как, впрочем, и сам этот мир теней с владычеством его властей и сил в котором требуется спасение. Ведь если и олицетворение того рода детей, который ныне стремится на брачный пир заключено в самой Софии и оправдывает её, то и обратный случившийся процесс олицетворения рода отпавших от истока также естественно может олицетворяться той же Софией, её ошибкой и осуждением.

Так или иначе такие представления и развивались в общинах до масштабных и сложных космогонических картин, тогда как базовый исток и обнаруживается в самом евангельском тексте. Как, впрочем, могли в учениях они и исходить и из ныне уже недоступных нам источников с моментами учения и речений самого Спасителя.

Примечательно, что в посланиях ап. Павла также содержится образ матери, что возносит своих детей над этим миром, над его силами и властями. В канонической же версии текста этот образ уже стал матерью - «Вышним Иерусалимом» и который лишь знаменует свободу без самого возношения. Образ возносящей матери обозначен в версии первого издания, а также в свидетельстве упоминаний ранних авторов. И здесь, в тексте первого издания, персона образа у Павла чётко не определена, тогда как по смыслу текста Послания Галатам, где он и используется, образ матери может быть соотнесён с верой (πίστις). Вместе с тем апостол также оперировал воззрением о премудрости (σοφία), непознанной и скрытой для сил этого мира, но являющейся своеобразной средой пребывания и назидания совершенных.

Предполагая же существование предвечного пребывания избранных возникает и естественное разделение на тех, кто принадлежит этому числу, а кто нет и последующий вопрос о принадлежности каждого вопрошающего.

Раннехристианские представления и фиксируют разделение людей на духовных и душевных. Так или иначе представления фиксируют и мысль о принадлежности всех ищущих спасения – «духовных» и «душевных», как «званных», так и «избранных» к Софии [4]. Пусть и с той разницей, что «душевные» движутся и спасаются посредством помощи и содействия «духовных» и такая мысль также зафиксирована в известном нам наследии ап. Павла. Но, если сам человек и погибает, то истинный образ – умереть и исчезнуть не способен.

Говоря же о посмертном восхождении в мистерии брака павшего образа с первообразом, представление о посмертном восхождении души в брачный чертог, по сути и есть отражением процесса внутреннего мира человека, его «поста» от мира, его практического разотождествления, что было проявлено в самой жизни, когда этот внутренний мир однажды и становится вдруг внешним реальным и единственным, а восхождение здесь лишь отображает то, что и происходило при жизни.

Рассмотрим же далее сами исторические свидетельства этих воззрений.

[4] David Brakke. Gnosticism: From Nag Hammadi to the Gospel of Judas. Course Guidebook. Перевод: Андрей Васильев. Дэвид Брэки. Стать мужчиной через валентинианский ритуал.

<https://skifos.wordpress.com/2021/01/09/david-brakke-becoming-male/>

Часть 4

История раннехристианских представлений и обрядов зафиксировала в частности сходное изложенному учение в среде общин последователей Валентина. Учение и практики существовали вне сферы зарождающегося и развивающегося ортодоксального христианского движения и описаны они в трудах ересиологов, а также отображены в найденных источниках древних текстов и артефактов. Остановимся на некоторых свидетельствах.

Так, например, имеется описание Тертуллиана об учении о воссоединении брачного чертога, в котором рассматривался финал как спасения отдельного человека, так всех призванных Христом. Описание Тертуллиана несёт явный саркастический смысл и не имеющий представления о сути и происхождении таких воззрений читатель попадает в комнату кривых зеркал, в которой перед ним предстаёт умопомрачительная картина некой вакханалии диких еретиков. Ересиолог буквально высмеивает идею какого-то посмертного брачного чертога, где души еретиков ожидают соединения с какими-то придуманными кем-то ангелами на каком-то пире. При этом сами эти ангелы, в повествовании у Тертуллиана представлены даже и равными существу «сотеру». Хотя Тертуллиан всё-таки и поясняет, что «сотером» именуется Иисусу-спаситель у еретиков. Тертуллиан высмеивает эти дикие верования обезумевших в стиле

разоблачения вакханалии с пожеланием поскорее всему этому сгореть в огне. Он радостно заявляет и своё исповедание, в котором его по смерти насиловать никто не будет и это он открыто так и заявляет, с чем каждый желающий может [ознакомиться лично](#). [5]

Информацию буквально от первоисточника к нам доносит такой интересный артефакт, как надгробия с надписями, с лаконичной информацией самого важного содержания. Один из надгробных камней NCE 156 находится в Капитолийских музеях в Риме. Так, согласно [6] крещение покойного описывается в терминах брачного банкета, на котором присутствуют братья. Он перемещается в брачный чертог, где восхваляются Отец и Сын, в потоке Тишины и Истины. За описанием чего вероятно стоит валентинианский искупительный обряд второго крещения. Этот текст надгробия гласит.

*Для моих купален, братья брачного чертога несут факелы.
В наших палатах, они жаждут банкетов.
Они восхваляют Отца и прославляют Сына.
В этом месте [поток] уединённой [Тишины] и Истины.*

Имя второго человека – сохранилось. Покойная - Флавия Софи. Это надгробие (SIG 4:9595a) находится в Национальном музее Рима. Её муж, увековечил её веру в камне. Текст надгробия гласит следующее. [7]

*Yearning for the fatherly light, my sister and wife, Sophe,
Anointed in the baths of Christ with perfume unfading, pure,
You were eager to behold the divine countenances of the eternities,
The great angel of the mighty council, the true Son,
Processing [into] the bridal chamber and ascending into the fatherly chambers ...*

*Стремясь к отцовскому свету, моя сестра и моя жена, Софи,
Помазана в купальнях Христовых благовониями неувядаемыми, чистыми,
Ты жаждала созерцать божественные лики эонов -
Великого ангела могучего совета, истинного Сыны,
Свершая наследие брачного чертога и восхождение в обители Отца ...*

Для мужа, она - дорогая сестра и супруга, что стремилась к свету и наследовала брачный чертог, вознеслась в обители Отца. В этом свидетельстве говорится о помазании елеем Христа, возможно с указанием и на последний обряд, что могло иметь своим обоснованием масло светильников дев притчи, стремящихся на брачный пир к жениху. Также в этом свидетельстве тот ангел, к которому устремляется дух именуется истинным Сыном. Это свидетельство пересекается с упоминаемым ранее свидетельством ап. Павла, об открытии истинного сына в нём, когда такое упоминание предполагает двойственность понимания. Когда с одной стороны, предполагается тождество этого личного ангела одновременно с самим Сыном - Спасителем, с другой стороны и открытым некогда в человеке сыном - истинным человеком, истинным образом. Также перед нами фигурирует

и упоминание некоего «великого совета», а в первой надписи – братства, к чему также может быть проведена смысловая параллель о предвечном братстве сыновей у ап. Павла. «Всматривание в божественные лики эонов» может восходить к воззрениям, развивавшимся на основе логики Фм. 88 о неких предсуществующих образах, что не умирают и не являются и происходят для самого того, кто оказался во свете, когда стал последователем Спасителя, о том потрясении, которое он испытывает, как по причине открытой иллюзорности и ложности того, кем он себя настоящим до этого считал, так и того, что ещё на этом пути предстоит увидеть и понять взирая в Него как зеркало: *«Иисус сказал: Когда вы видите ваше подобие, вы радуетесь. о когда вы видите ваши образы, которые произошли до вас, - они не умирают и не являются - сколь великое вы перенесете?»*

На обратной стороне надгробия Софи есть и вторая надпись, и по мнению Эйприл Д. ДеКоник [6] в ней заключён драматизм освобождения духа от властей этого мира. Что связан с самим восхождением в брачный чертог, с преодолением сопротивления сил этого мира, когда те забирают то в человеке, что принадлежало и принадлежит им, когда принадлежащий Отцу дух человека и восходит через происходящее разделение.

***У этой покойной женщины не было обычного конца жизни.
Она умерла, но она живёт и видит поистине бессмертный свет.
Она живёт среди живых, а мёртвое — мёртвым.
Земля, почему ты удивлена этому мёртвому телу?
Ты ужаснулась?***

Она не принадлежала этому миру, и она не разделит обычный конец его жизни и живёт среди живых. И смерть - это ужас для тех, кто живёт в земном и наследует его конец. Вершится и ужас начал и властей этого мира, которые не способны того, кто жив - здесь удержать.

[5] Тертуллиан «Против Валентиниан».

[6] April D. DeConick. The Gnostic New Age: How a Countercultural Spirituality Revolutionized Religion from Antiquity to Today Get access Arrow.

Charaxio Circle - перевод отрывков книги Эйприл Д. ДеКоник.

(Эйприл Д. ДеКоник - профессор Нового Завета и раннего христианства Айлы Кэрролл и Перси Э. Тернера в Университете Райса в Хьюстоне, штат Техас).

<http://aprildeconick.com/>

[7] The tomb inscription of Flavia Sophe.

<https://culminationofwisdom.org/2022/01/10/the-tomb-inscription-of-flavia-sophe/>

Часть 5

Само воззрение о посмертном восхождении отмечено как в описаниях ересиологов, так и в самих ранних известных нам письменных источниках

дотируемых вторым столетием, когда оно виделось финальной стадией пути спасения перед единением брачного чертога. Когда разотождествление с ложным ветхим человеком и устремление к истинному образу, что было заявлено и подтверждено в жизни, также отобразится и по окончанию её. Будет естественно и предложить, что имея некую первоначальную форму такие воззрения со временем могли претерпевать изменения и отображаться уже в самых различных вариациях. По сути с течением времени это воззрение в виде учения о мытарствах после X века вошло в само православное вероучение, только уже со свойственными ему особенностями вероисповедания и своим уже списком грехов.

Примечательно, что заупокойная практика православной церкви и отобразила пласт по сути гностического учения и ритуала, не имея при этом своего общепринятого чёткого и авторитетного свидетельства. Так, в каноне, что читается за умирающего, содержится просьба к Богородице помочь при выходе души из тела преодолеть «воздушного князя». В самом этом князе, можно и увидеть «врага» из видения Антония Великого, в котором некий безобразный великан высотой до облаков строил преграды окрылённым душам [8]. Не покорившиеся - могли улетать от него, и на них он скрежетал зубами, другие же падали вниз, принося ему этим радость. Такая картина по сути была родственной гностическим учениям. Так согласно свидетельства Епифания: «Душа, исходя отсюда, проходит чрез этих князей и не может пройти, если не будет сколько-нибудь в полноте ведения. А князь, обладающий сим миром, змеевиден; он поглощает души, не причастные гносиса, и хвостом опять возвращает в мир». Согласно свидетельств ересиологов и письменных источников – функция суда лежала именно на князе этого мира, и в некоторых учениях первых столетий этот князь отдавал подвластную ему душу своим силам для повторного возвращения в тело [8].

Рассматриваемое представление о самом посмертном восхождении могло естественно быть обоснованным и обосновывалось самим евангельским текстом, с его предостережением о необходимости освобождения от соперника (Лук.12:57-59; Матф.5:25,26), что ведёт к начальству и что печально заканчивается пленением - тюремным заключением, где заключённого в независимости от степени вины раздевают по максимуму. Когда выходит он оттуда с полной потерей всего того чем некогда обладал и что у него можно отобрать. И здесь за известным жизненным примером естественно должно находится описание неких иных реалий. Так или иначе в рамках богословия «Sola Scriptura» такое описание является вообще чуждым элементом. И конечно же экзегеты общин первых столетий и использовали в основании развиваемых воззрений именно этот евангельский момент с «соперником», «начальством», «судьей» и «истязателем».

В этом плане также интересны некоторые логики того же Евангелия Фомы с известной тематикой обнажения. Так там, например, ученики сравниваются с детьми, что играют на чужом поле, когда однажды хозяева востребуют вернуть

принадлежащие им, после чего дети (последователи Иисуса) обнажаются, отдавая хозяевам этого поля то, что и принадлежит хозяевам и это согласно речения - непременно произойдёт.

24. Мария сказала Иисусу: На кого похожи твои ученики? Он сказал: Они похожи на детей малых, которые расположились на поле, им не принадлежащем. Когда придут хозяева поля, они скажут: Оставьте нам наше поле. Они обнажаются перед ними, чтобы оставить это им и дать им их поле.

При этом отсутствие привязанности и личная готовность к такому неизбежному обнажению и есть признаком достоинства увидеть «сына того, кто жив».

42. Ученики его сказали: В какой день ты явишься нам и в какой день мы увидим тебя? Иисус сказал: Когда вы обнажитесь и не застыдитесь и возьмете ваши одежды, положите их у ваших ног, подобно малым детям, растопчете их, тогда (вы увидите) сына того, кто жив, и вы не будете бояться.

Сама тематика обнажения по сути и связана с посмертным разделением духа и тела или даже духовного от душевного, а данные логики прекрасно сочетались с развиваемыми далее представлениями о том, как силы этого мира забирали назад в человеке своё. Примечательно, что в аспекте этого воззрения будет иметь совершенно и иной смысл евангельское поучение об отдаче своих одежд тем, кто захочет вдруг их забрать, отражённой в той же нагорной проповеди. В этой связи интересен также и своеобразный отголосок идеи евангельской притчи о лукавом рабе, который сознательно не пускал в рост чужое богатство и ничего из него не имел, но отдал его в завёрнутом платке как одежде - его хозяину: «вот твоя мина, которую я хранил, завернув в платок» (Лук.19:22).

Предполагал ли, например, какое-либо восхождение Павел? Говоря же о его вероучении, что мы можем оценить в посланиях, то наряду с его видением предвечных братьев или духовных ипостасей на небесах, он строит рассуждение о посмертной огненной проверке основания жизни и дела каждого (1Кор.3:11-15), и видит в этом финальный момент спасения. Возможно это всего лишь косвенная связь с темой, но в ней он убеждён в главенствующей силе спасения Христа, когда хоть «дело сгорит» и «тот потерпит урон», однако человек «сам спасется, но так, как бы из огня».

Из ранних документов, что датируются вторым столетием, тематика восхождения принадлежит тексту «Евангелия от Марии». Текст документа повреждён, а имеющиеся отрывки раскрывают речь Марии о восходящей душе через семь враждебных ей Сил со зловещими именами – характеристиками, что и ищут свою природу в той душе, что восходит. Сохранившийся тематический фрагмент передаёт диалоги восходящей души со злыми силами небес, которые выдвигают претензии ей о принадлежности к их сфере владычества. Но восходящая душа могла видеть эти власти и производимые ими действия, и она была способна отвечать этим силам.

И она отвечает тем, что те в ней не имеют ничего.

И она сама не есть тем, что они определяют и навязывают для неё.

И спор души с властями видится ей событием самой её внутренней жизни, с оканчивающимся в ней самой вожделением, незнанием и забвением. И она оставляет эти силы ни с чем [9].

Как отмечается исследователями, такое описанное в «Евангелии от Марии» восхождение предположительно могло иметь связь с другим описанием группы источников, в котором сам Иисус с учениками поднимаются на гору Фавор, традиционно считаемую местом Преображения, и Спаситель - человек иного рода там претерпевает искушение, возносит молитву с просьбой о помощи и получает ответ и понимание этих Сил, что стоят на пути восхождения. Далее Он и передаёт Марии то, как ученик с помощью духовной дисциплины может освободиться от власти этих Сил и победить их [10].

И в таком ключе, финальная стадия восхождения и есть по сути результатом того, как такое восхождение и было утверждено в самой жизни и является его отражением в новой реальности за последней гранью.

Говоря далее об отношении и готовности к такому посмертному восхождению можно выделить две стороны подхода. Первая сторона предполагает, что такое восхождение возможно только благодаря силе Свыше. Поэтому здесь вероятно и практиковалось специальное крещение с помазанием елеем как обряд принятия этой силы. Также разнообразные гностические тексты говорят о некоем одеянии «света», в которое и облачается душа после смерти. И благодаря этим одеяниям душа становится невидима владыкам космоса и способна поэтому сквозь них пройти. При этом сама эта одежда света и есть зеркалом, отражением истинного образа человека, когда и спасение свершается благодаря произошедшему его открытию [10]. Возможно поэтому представитель самой школы Валентина и отметил, что *«те, кто облекся совершенным светом, их не видят силы и не могут схватить их. Но облекутся светом в тайне, в соединении»* (Евангелие от Филиппа, 77), когда это облачение и делает возможным восхождение к единению брачного чертога.

Вторая сторона предполагала же дополнительную подготовку к такому восхождению. Ведь естественно ожидать, что если предполагается ещё некое дополнительное наиважнейшее восхождение, то будет и естественный запрос на то, как лучше подготовиться к нему. А исходя из существования такого запроса и опыта визионерства, который естественно имел своё место и важный вес в формировании взглядов тех общин становится и вполне реальным возникновение новых «методов и инструментов» восхождения. Поэтому можно предположить, что на каком-то этапе возникали притом в разных течениях молитвы, системы знаков и паролей для осуществления восхождения, что и отмечено в письменных источниках с описанием такого восхождения через небеса зла [11]. Возникли ли со временем подобные секретные пароли в среде, например, самих последователей общин Валентина? Возможно, что и так. Хотя для проницательных борцов с ересями, которые выпытывали и выпрашивали, во

что верят еретики, всё-таки имелся прекрасный пример, как и что ответить, чтобы по примеру мудрых дев отправить неразумных в поход на ночной базар за покупкой масла, чтобы не приставали со своими вопросами. Однако в таком случае результат таких «похождений» в виде последующих созданных ересиологических описаний и становится также базой для научной реконструкции самих тех учений.

Подведём итоги.

[8] Андрей Васильев. Видение Антония Великого.

<https://skifos.livejournal.com/67545.html>

[9] «Евангелие от Марии». Предисловие М.К. Трофимовой.

<http://flibusta.is/b/166122/read>

[10] Марк М. Мэттисон. Чья душа, совершает восхождение в Евангелии от Марии? Новые подсказки из Книги Аллогена. Перевод: Андрей Васильев.

<https://skifos.wordpress.com/2020/04/22/alogenes/>

[11] Андрей Васильев. Успение Богородицы и гностическая «Книга мертвых». <https://skifos.wordpress.com/2022/03/17/dormition/>

Заключение

Таким образом была предпринята попытка реконструкции представления об открытии, восхождении и воссоединении образа со своим истинным истоком - первообразом в качестве представления и понимания спасения. При этом представлено, что основы такого представления отображены в имеющихся текстовых первоисточниках первых столетий. Предложено, что сопутствующее этому представлению о восхождении духа и может быть представлено отображением самого этого процесса. Сам же этот процесс включает первоначальное разделение - разотождествление личности с её ложным представлением, последующее устремление к истинному предвечному первообразу, открываемому в самом Спасителе, и окончание устремления в соединении брачного чертога. Сама картина является мистическим процессом восстановления некогда утраченной целостности, как личной, так и общей разрушенной некогда полноты. Когда это воссоединение и требовало смыслового описания именно в примере брачного чертога.

Анализ новозаветных книг приводит к выводам, что элементы картины некоего ангела - истинного образа могут быть выявлены на уровне самих его текстов, иметь место в проповеди Христа и быть элементом учения общин первого столетия. История фиксирует дальнейшее осмысление и развитие последующих учений. В дальнейшем же при зарождении и становлении ортодоксального христианства такое представление было утеряно, однако продолжило своё развитие в общинах вне границ зарождающейся ортодоксальной сферы. Но такой важный элемент картины спасения как брачный чертог, уже даже и осмысливаемый, как спасительный брачный пир –

надёжно отобразился в самих канонических евангельских текстах. Однако при этом в нём фактически было утрачено само смысловое наполнение, которое бы поясняло использования самого этого образа. Большая же часть новозаветного содержания принадлежит посланиям ап. Павла, который развивал уже несколько иное видение и понимание, что в общем и было естественным и нормальным для нового тогда движения явлением.

Что касается ересиологической критики второго и последующих столетий, то она хоть и несёт множество ценной информации, но представлена в стиле сатиры и издёвки над безумием еретиков и их дикими взглядами. И необходимо приложить немало усилий, чтобы понять, что на самом деле за всем этим стоит. Второе же и третье столетие при этом, демонстрируют широкое развитие самих этих представлений, особенно когда движение не имело никаких догматических ограничений и имело в себе механизм свободного развития вероучения. Во втором веке развиваются масштабные космогонические представления, что описывают появление этого несовершенного мира, существование и взаимодействие глобальных космических сил. Все подобные идеи были осуждены и высмеяны ересиологами, тогда как сами учителя христианских гностических общин и стремились указать на происхождение этих воззрений из самих первооснов - в том числе и текстов, ставшими далее каноническими. И конечно же для свидетелей, находящихся на концах этих идейных ветвей и возникает проблема понимания общих точек соприкосновения. Однако проблема эта возникает если не иметь понимания происхождения основы, которая была и восходила к тому, кто и зажёл людей этими поисками миро-, бого- и самопознаний с устремлением в истинный отчий дом.

Влад Вальберг
Апрель 2023